

Л. 160 (1237 г.)

Тое же зимы взяша Москву Татарове, и воеводу убиша... а люди избиша... а град и церкви святых огневи предаша, и монастыри вси и села пожгоша, и много имѣнья вѣзеше, отидоша.

Л. 160 об. (1237 г.)

...взяша Суждаль и святу Богородицю разграбиша, и двор княжь огнем пожгоша, и монастырь святого Дмитрия пожгоша, а прочии разграбиша (...) то все ведоша в станы свое...

Л. 142 (1203 г.)

Гору взяша, и митрополью святую Софью разграбиша, и монастыри всѣ иконы одраша, а инѣ поимаха, и кресты честныя, и ссуды священныя...

Л. 164 об. (1239 г.)

Того же лѣта (та) Татарове взяша Переяславль Рускыи, и епископа убиша и люди избиша, а град пожьгоша огнем, и люди, и, полона много вѣзеше, отидоша (...) Того же лѣта взяша Татарове Чернигов. Князи их выѣхаша в Угры. А град пожегше и люди избиша, и монастырь пограбиша, (...) а сами идоша в станы своѣ. (...) Того же лѣта на зиму, взяша Татарове Мордовскую землю, а Муром пожгоша, и по Клязьмѣ воеваша, и град святых Богородица Гороховець пожгоша, а сами идоша в станы своя (...)

Л. 164 об. (1240 г.)

Того же лѣта взяша Киев Татарове и святую Софью разграбиша, и монастыри всѣ, и иконы, и кресты честныя, и вся узорочья церковная...

В последнем случае, я думаю, перед нами, может быть, уже и не заимствование, а повторение запомнившегося: тот, кто работал над повестью, мог в конце концов просто усвоить как формулу эту цепь глаголов: ...взяша...убиша...избиша...пожгоша...идоша...ведоша...разграбиша.

2

Относительно занимающей нас части Лаврентьевской летописи М. Д. Приселков считал, что она передает ростовский свод 1239 г., где, по мнению ученого, были слиты «ростовский летописец Константина и его сыновей, который оканчивался описанием смерти от руки татар ростовского князя Василька (1237)» и «владимирский великокняжеский свод Юрия, который кончался описанием гибели последнего на р. Сити»,²⁴ точнее же «некрологом Юрию, помещаемым теперь под 1239 г. и связываемым с описанием перенесения тела Юрия из Ростова во Владимир».²⁵

Зная, как создан охватывающий статьи 1237, 1238 и 1239 гг. рассказ о Батыевом нашествии, согласиться с мыслью М. Д. Приселкова о двусоставности этого повествования можно лишь с оговоркой, что при слиянии оригинальных частей они были столь коренным образом переделаны (и переделаны одной рукой), что от прежнего их вида почти ничего, кроме имен князей, не осталось.

«... как бы ни относиться к вопросу о Юрьевом своде в целом, — писал об одной из мыслимых М. Д. Приселковым составных частей повести В. Л. Комарович, — доведение его до рассказа о Батыевой рати следует со всей решительностью отвергнуть. Возникший и пополнявшийся погодными записями несомненно во Владимире, как мог этот свод пресечься не до, а после рассказа о той катастрофе, которая сама пресекла владимирское летописание вообще, по наблюдениям того же М. Д. Приселкова, по крайней мере на три десятилетия».²⁶

Касаясь способа, каким создана посмертная «похвала» князю Юрию,

²⁴ М. Д. Приселков. Лаврентьевская летопись (история текста). — Ученые записки Ленинградского гос. университета, № 32, серия исторических наук, вып. 2, Л., 1939, стр. 123.

²⁵ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 88.

²⁶ В. Л. Комарович. Древнерусское областное летописание..., стр. 178—179.